

КОЛДУН НА ЗАВТРАК

Ростов-на-Дону

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1
КТК 6520
Б44

Белянин, Андрей.

Б44 Колдун на завтрак / Андрей Белянин. — Ростов н/Д : Феникс, 2023. — 349, [1] с. : ил.

ISBN 978-5-222-35394-3

Нечистая сила пытается взять реванш, всей толпой охотясь на непокорного Илью Иловайского! Того самого, которому ведьма плюнула в глаз и теперь он нечисть сквозь любые личины видит и спуску никому не даёт! Ну удачи им в их безнадёжном деле... А в лихого героя, похоже, всерьёз влюбилась сама грозная Хозяйка Обратного города! Скорей бы под венец, вот только надо быстренько разобраться со злобным цыганским колдуном, изгнать кусачее привидение, дать в рыло чёрту, утопить в сене мстительную хромую чародейницу, сунуть в психушку доцента-кровососа, порубать банду молдавских чумчар, отдавить хвост бесу, переломать дюжину скелетов, наказать зарвавшихся учёных и поджарить саму Смерть с косой... уф! Чего не сделаешь ради любимой девушки!

ISBN 978-5-222-35394-3

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

© Белянин А., текст, 2022
© ООО «Феникс», оформление, 2023
© Аджиев Б., обложка, 2023
© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com, 2023

Часть первая

**КОЛДУН
НА ЗАВТРАК**

— **И**ловайский!
Не буду отзываться, не хочу. Ведь только сел, ножки свесил, удочку закинул — и нате вам: я снова всем понадобился. Замаями!

— Иловай-ски-ий!

Нет меня. Совсем нет, весь вышел. Прохор и так не хотел никуда отпускать — войсковой смотр через две недели, я едва сбежал. Если вернусь без пескарей на уху, он же моё благородие как шпрота отстерляжит и не помилует...

— Ило-вай-ски-и-ий! — продолжал надрываться с яра рыжий ординарец. — Тебя его превосходительство Василий Дмитриевич зо-вё-от!

Уф... Против дяди не попрёшь. Заслуженный генерал казачьих войск Российской империи, любимчик царя, участник многих походов, увешанный наградами, украшенный боевыми шрамами, стало быть, человек повсеместно уважаемый. Кто я такой, чтобы с ним спорить? Да никто, непутёвый племянник по линии младшего брата, в скромном чине хорунжего и без единого геройского крестика на тёмно-синем мундире. То есть мне обещали, приказ о награждении вроде бы подписан, но цеплять на грудь пока всё равно нечего.

— Илова-а... ой... кх... тьфу, кажись, всё-о... горло сорвал! — уже едва слышно просипел дядин казак. И я сдался. Быстренько смотал удочки, сунул сапоги под мышку, поднялся по тропинке наверх и честно обнял рыжего ординарца.

— Прости, брат! Уже иду, ты мне по-любому всю рыбу распугал...

— Зараза ты, Иловайский, и, не будь генеральским племянничком, словил бы у меня леща! — осторожно держась за горло, прошептал он.

— Эх, ничего не понял, шипение одно... Но ты не напрягайся, суть я уловил — спешу исполнить приказ и лечу на крыльях любви к воинскому делу!

— Чтоб тебе дуб забодать по дороге! — скорее догадался, чем расслышал я. Но не обиделся, а, широко улыбнувшись красному от ярости дядиному ординарцу, поспешил босым ходом в село.

...Проезжавшая мимо ватага молодых казачков, спешащих до обеда выкупать лошадей на отмени, обдала меня клубами пыли. Самый первый попридержал кобылу и, обернувшись, громко крикнул:

— Эй, хорунжий, а чё, моя Ласка уже тяжёлая, ась?

— Твоя — да! — поморщившись, буркнул я.

— А вот и врёшь, — счастливо захохотал хлопец, поглаживая кобылу по шее. — Не угадал, характерник, мы её ещё и под жеребца не пускали! Молода-то...

— Так я и не про кобылу говорил.

— А тады про кого? — затупил бедняга, краснея как маков цвет под нарастающие смешочки товарищей. — Ну у невесты моей прозвище такое, дык она... Она ж в станице, ей-то чё... Да будет вам ржать, черти, она ж меня с походу ждать обещалась! А ну, стой, характерник, стой, я те говорю-у!

...Ну их, я ускорил шаг. Станичники, едва не валясь от гогота с неосёдланных лошадей, увели за собой неудачливого жениха непостоянной Ласки...

А откуда я всё это узнал? Понятия не имею! Кто ж меня, таинственного, разберёт — что с пол-литрой, что

без?! Вот стукнуло в башку — и знаю ответ, а иной раз могу хоть часами лбом о печку в хате биться, да толку ноль, окромя большой шишки и всей башки в известке. Такой эксперимент и мне не в радость, и печей по селу не напасёшься...

Помнится, дядя всё грозился специальному фельдшеру столичному меня показать, дескать, характерничество это надо научным способом выявить, рассмотреть пристально и на пользу обществу поставить. А для того меня как есть всего, с ног до головы, хорошенько обследовать. Но только нашими лекарями! Немцы просто не поймут, а англичане ещё, чего доброго, и напортачат, им бы знай свой джин с ромом бутылями хлебать да на Россию-матушку почём зря рожу кривить!

Это не мои слова, это дядины, его в последнее время буквально клинит на войне с Англией. Он постоянно, к месту и не к месту, вспоминает, как ему сам атаман Платов рассказывал, что ничего хорошего для донского казака в этом занюханном Лондоне и нет! Пиво горькое, говядина жёсткая, а ихним блюдом «оффсянка, сэр!» хорошо тока щели в полу от тараканов замазывать. Хотя как бы и между прочим тот же Платов сожительницу-англичанку в Новочеркасск за собой вывез, не постеснялся...

...В дивное донское сельцо Калач, где был расквартирован наш отважный полк, я опять заходил огородами. После недавних событий местные жители устраивали на меня настоящие засады с целью «стопорись, казачок, погадай честным людям!». А нашим крестьянам, как вы знаете, только разок сдайся, они из тебя верёвки вить начнут и с живого не слезут. Не говоря уже о том, что на меня за мои «гадания» калачинский

батюшка давно косо смотрит. Наложит ведь епитимью, и никуда не денешься, мы, казаки, священников уважаем...

Уже только поэтому мне пришлось брать у Прохора уроки пластунства и частенько добираться до места дислокации змеиным переползанием под плетнями и заборами. К радости деревенских брехливых собак и шуточкам проезжающих верхами станичников, для которых в мирное время любая мелочь — забава.

— Глянь, хлопцы, как хорунжий под лопухом ползёт! А ещё говорят, будто генеральский племяш совсем мышей не ловит. Вона, ловит же, да ещё как!

Мне оставалось лишь молча скрипеть зубами, мысленно обещая страшно отомстить каждому насмешнику поимённо. Или уж всем чохом? Не знаю, подумаю потом, на досуге...

Ну и в результате в очередной раз к ожидающему меня дядюшке, заслуженному генералу Всевеликого войска Донского, самому Василию Дмитриевичу Иловайскому 12-му, я добрался не так чтобы очень уж быстро. А честнее сказать, настолько медленно, что мой нервничающий денщик уже дважды выбегал меня встречать к воротам.

— Тебя где мохнатые черти за казачий чуб носят?! — привычно ворчал старый Прохор, заботливо подпихивая меня в спину. — Он невесть где бродит, а я на взводе! Дядя ругается, со стеной бодается, ординарец бедный забегался бледный, а тебя, шалопаю, ничё не колупает!

— А почему, собственно, меня должно что-то колупать? — вяло отбрёхивался я. — «Колупать» — значит расковыривать, и при чём здесь это? Нет на тебя конструктивной критики, Прохор...

— И то верно, — он согласно покачал сидящей бородой. — Да тока не меня в хате генерал с конструктивной нагайкой дожидается.

— Хм... дело серьёзное?

— Дык сам и спроси. Уж коли совсем убивать начнёт — зови на помощь! Вдвоём сгинем, не так обидно!

В умении ободрить и утешить моему денщику просто нет равных. Это ещё при том, что он меня искренне любит, заботится, учит жизни и оберегает от лишних шишек. Ну, в том смысле, что шишки я себе успешно набиваю сам, а он обычно контролирует это дело со стороны. Но если эту же (чтоб её в третий раз!) шишку мне решит поставить кто-то другой, да ещё по-подлому, сзади, исподтишка, — то вот тут-то злодей и ощутит всей плоскостью носа тяжёлый кулак верного Прохора! И я не оговорился: после удара старого казака там действительно будет именно «плоскость носа». Впрочем, сейчас речь не об этом...

— Ну заходи, заходи, Иловайский, — сурово поприветствовал меня мой знаменитый родственник по отцовской линии казачий генерал Василий Дмитриевич.

Я молча вошёл, поклонился и начал расстёгивать мундир.

— Ты чего это?

Я аккуратно снял китель, сложил его согласно уставу, постоял так, на миг задумавшись: а снимать ли белую рубаху...

— Ты чего это тут разнагишался, как вшивый в бане?! — уже с ощутимой нотой раздражения начал недоумевать дядюшка.

Я жестом попросил его убраться с оттоманки, снял-таки рубаху, лёг ничком и тихо попросил:

— Только по голове не бейте.

— Иловайский, ты... что, совсем уже?! Я тебя...

— Ваш ординарец сказал, чтоб я бежал немедленно, ибо вы в гневе! Прохор то же самое подтвердил, а раз такое дело, так смысл тянуть? Всё одно поротому быть... Бейте!

— Ну ты... будет врать-то. — Дядюшка, кажется, опять позволил себе впасть в чисто детские обиды. — Вставай, те говорят! Ишь чё удумал, можно подумать, я тя тока и зову затем, чтоб бить!

— В подавляющем большинстве случаев, — горько подтвердил я, не вставая.

— А вот и врешь!

— Есть свидетели.

— Что?! — уже побагровел он, лихорадочно ища, куда сунул свою дорогую нагайку с рукоятью в серебре, плетённую из бычьей кожи и тяжёлую в ударе, как берёзовое полено. — А ну, зови их сюда сей же час! Всех зови! Я с ними по-своему, по-свойски перебеседую, как я ты, стервеца, каждый раз тока и делаю, что бью!

— Это приказ? — приподнялся я. — То есть могу идти выполнять?

— Какой приказ... Да тьфу на тебя, Иловайский, совсем заморочил голову старику! Я ж тебя не за этим звал, а по службе.

— Тогда рад стараться. Чего надо-то?

— Кофе подай. — Генерал бесцеремонно турнул меня с оттоманки и тяжело сел, расстегнув три верхние пуговицы мундира. — Слышал, небось, что вчера из табуна полкового две кобылы пропали?

— Не-а, мне и с вашим арабом на конюшне проблем хватает. Не поверите: то убери у него, то выкупай, то сено замени, то хвост расчеши. Хорошо ещё кофе не просит... капризная скотина...

— Так вот, о чём я? — к счастью, не особо вслушиваясь в мою болтовню, продолжал он. — А сегодня с утра ещё трёх коней недосчитались. На волков грешить повода нет, мужики деревенские к табунам и близко не подходят, что ж за напасть такая?

— Так за рекою табор, — не думая, ляпнул я, вновь одеваясь. — Все лошади наши там. А крали их два цыгана — один рябой, левым глазом косит и передний зуб выбит, второй хромает и лыс, в ухе серьга золотая, семейная, говорят, удачу приносит.

— Ах ты ж молодца, Иловайский. — Дядя с благодарностью принял от меня кружку кофе, который всегда пил по-походному, на турецкий манер (просто заливая мелко смолотые жареные зёрна крутым кипятком). — Вот это и будет твоя служба!

— С чего ж моя?! Нешто у нас казаков других нет? Я ж вам по-характерному всё расписал. Всех делов-то теперь — пойти да лошадей вернуть, ну и кого надо нагайками отходить за конокрадство!

— А ты тут поперёк мнению атаманского стратега великого из себя не строй! Небось не все вокруг дураки-то? — Мой важный родственник значимо приподнял бровь, с наслаждением отхлебнув настоявшийся кофе. — И без тебя про цыган хлопцы прознали, да в табор ещё на заре десяток казачков верхами махнули разборки чинить. А тока нет там наших коней...

— Как нет? — теперь уже недопонял я. — Быть того не может. Разве перекарасили только или...

— Да нет, говорю же, торопыга ты горячая! Другие у них кони, не нашей породы, не жеребцы донские. А дончака как ни крась, стать-то не переделаешь. Вот и вернулись парни ни с чем.

— Ничего не понимаю...

— И я не понимаю, потому и тебя звал. Бери-ка своего Прохора, седлайте лошадей — араба не тронь! — и дуйте до того табора. Глянь там глазом своим волшебным, что да как... Может, то чародейство цыганское морок наводит? Ну а не справишься, так не взыщи...

Я опять молча начал снимать мундир.

— Иловайский, не заводи меня!

— А вы с такого заводитеесь?! — я сделал удивлённое лицо. — Господи, помилуй мя грешного...

Дядя с полминуты соображал, на что я намекаю, а когда просёк, сорвался с оттоманки, расплёскивая кофе, лихорадочно ища по углам ту самую тяжёлую нагайку.

Мне оставалось неторопливо застегнуться, оправить одежду, козырнуть и горделиво выйти вон. Ну, почти горделиво, до последнего момента...

— Нашёл! Ну всё, охальник...

А поздно, я уже вовремя вылетел вон. Прохор выпустил меня и терпеливо удерживал спиной дверь, пока за ней маниакально бушевал мой именитый родственник.

— Запорю! В солдаты лоб забрею! Маменьке его в станицу нажалую-у-усь!!!

— Шёл бы ты отсель, ваше благородие, — честно попросил меня старый казак. — На конюшне встретимся, ты покуда в дорогу соберись, двух лошадок поседлай, пистолеты проверь, сапоги начисть.

— Э-э, друг любезный, с чего это ты перекладываешь на меня свои прямые обязанности?!

— Да я ж занят, дверь держу. Хотя могу и отпустить...

— Не надо! — Я решительно рванул от генеральской хаты, не дожидаясь худшего. Дядюшка Василий

Дмитриевич всё же покрепче Прохора будет, разойдётся всерьёз — снесёт моего денщика вместе с косяком и бедной дверью...

Поэтому до конюшни я летел не оборачиваясь, как черкесская пуля. Собраться, вооружиться, подготовить коней — и верхами из села, хоть к чёрту в зубы, там генерал уж точно не достанет. Главное, вернуться до темноты, потому как у меня на вечер свои планы. Личные. Маленькое свидание, сами понимаете, а где и с кем, я не скажу...

Прохоров мерин вышел из стойла спокойно и даже флегматично. Как и большинство донских жеребцов, он реагировал лишь на приказы хозяина, грохота выстрелов не боялся, от порохового запаха и криков не шарахался, а мне подчинялся лишь потому, что знал меня. Оседлать его было делом минутным, а вот дядюшкиного араба...

Ну мало ли что мне строжайше запретили брать его с собой?!

И ежу понятно, что не собираюсь я перед таким опасным заданием пересаживаться на свою кусачую кобылу, когда благородный дядюшкин жеребец мается без дела, изнывая от скуки! Во-первых, мы друзья, и не взять его с собой — значит обидеть ранимую конскую душу. Во-вторых, что бы там мне ни запрещал по этому поводу дядя, ему араб до вечера ни по какой статье не понадобится. Чего ж зря томить животное? Нет в этом ни логики, ни смысла, ни порядочности...

Разумеется, у меня, как вы понимаете, была своя штатная кобыла, мне её маменька по дешёвке купила, когда отправляла на службу. Но эта капризница кушалась как зараза (не маменька!!!), а порой и до крови, только успевай зализывать! Так ведь, согласитесь,

и залижешь не везде, а Прохора просить неудобно. Я её и уговаривал, и по морде давал, и сахаром кормил, и плетью учил — всё без толку: кусается, и баста! Поэтому маленький стройный араб был для меня единственным спасением. Так эта мстительная кобылятина теперь делала вид, будто тоже меня в упор не замечает, а сама сбежит из табуна, подкрадётся сзади, тяпнет — и тикать! Ревность у неё, видите ли...

— Ты со мной или нет? — не выдержал я, когда уже в четвёртый раз белый жеребец ловко увернулся от оголовья. — Ей-богу, мне сейчас не до игр, меня там цыгане ждут, причём всем табором, с гостеприимно распростёртыми объятиями. И если есть желание посмотреть, как живут их лошади на воле, чтоб быстро сам оседлался и через две минуты был готов к парадному выходу!

В ответ эта арабская скотина прыгала вокруг меня козлом, фыркала мне в нос и игриво шлёпала роскошным хвостом мне же пониже поясницы. У него шаловливое настроение, а у меня служба горит, мне до вечера вернуться надо. Да ещё с победой, то есть с нашими украденными лошадьми, иначе фигу кто меня на свиданку отпустит, а очень надо! Очень-очень!

— Сил моих на тебя больше нет, — сдался я, положив седло на землю и устало опускаясь сверху. — Ты к нему со всей душой, а он к тебе со всей задницей. Ну, раз не хочешь ехать, марш в стойло и сиди там до тех пор, пока тебя Василий Дмитриевич к себе под седло не затребует! А он тяжёлы-ы-ый...

Весело скачущий жеребец мигом наострил уши, замер на одной ноге, взвесил в уме, что к чему, произвёл несложные математические вычисления и стал передо мной как лист перед травой!

— Да ну тебя, — уже в свою очередь обиделся я. — Сам седлайся, делать мне больше нечего...

Теперь уже бедный араб бегал за мной как собачонка, таская в зубах уздечку и умоляюще заглядывая в глаза, словно прося всем видом сменить гнев на милость, лишь бы я не возвращал его дяде.

— Ваше благородие, да что ж ты стока возишься? — возмущённо прикрикнул мой денщик, появляясь у забора. — Служба-то не ждёт, поди, да и дело пустяковое — на рысях до табора стогнать и...

— Живыми бы вырваться, и то ладно, — откликнулся я, прежде чем успел сообразить, что, собственно, говорю.

Но Прохор отнёсся к моим словам с пониманием. Я ж для него характерник, не абы кто, мне будущее ведомо и границы всех миров раскрыты. Могу пропажи отыскивать, на любых языках говорить, судьбу предсказывать, погоду изменять, кровь заговаривать, клады открывать, болезни обманывать, супротивников в бою, не касаясь и пальцем, с ног валить...

Ха! Щас! Разбежался! Несусь со всех ног, перешёл с рыси на кавалерийский галоп, закусил удила и рву грудью финишную ленточку. Конечно, всё это, может, какие другие великие характерники и умели, а я и со своей-то головой не всегда управляться успеваю, хотя и приятно, что хоть кто-то в меня так верит...

— Леший с тобой, иди уж, так и быть, оседлаю. Но это в последний раз, сам учись! — я привычно поворчал на араба, и спустя пару минут мы с ним были готовы к походу.

Посерьёзневший Прохор не поленился сходить за длинным ружьём, сунул за пояс два пистолета, даргинский кинжал в простых ножнах за голенище сапога,

повесил через плечо саблю, а за другое голенище толкнул тяжёлую плеть со вшитой на конце пулей.

— Пику забыл, — по ходу дела напомнил я.

— И то верно, — согласился денщик, опять убежал и вернулся уже со строевой казачьей пикой, страшно довольный тем, что вооружился до зубов. И ведь не похихикаешь над ним, раз сам сказал, что дорога может быть опасной. Ляпнул, что в голову стукнулось, но обычно такие вещи чаще всего и сбываются.

Под суровым взглядом моего старшего товарища я тоже проверил дедову саблю и сунул за пояс бебут. Огнестрельного оружия брать не буду, и так у нас на двоих целый арсенал, а мы в табор всё ж таки на разговоры едем, а не с целью поголовного геноцида.

— На смерть поехали, казачки? — скорбно приветствовал нас седой как лунь старичок на завалинке у соседнего дома.

Мы, не задумываясь, козырнули: нельзя не уважать старого человека, даже если он несёт полную хрень, невежливо это...

— А и то по мордам сразу ж видно, чё убьют, — ни к кому особенно не обращаясь, громко продолжал дед. — Оружия-то с собой набрали, аж стыдобень... Боятся, поди...

Мой денщик невольно придержал коня, но я потянул его за рукав: плюнь, не задерживайся, старичку по жизни заняться нечем, будет цепляться ко всему, лишь бы внимание обратили.

— Да-а... Измельчал народец! — уже вслед нам продолжал надрываться обманутый в лучших ожиданиях дед, тряся клюкой. — Казаки оне! Я б вам показал казачков-то! А ну, пошли отсель вон! Вона с моей улицы,

с мово села, моей губернии! Казаки оне... Настоящие-то казаки, поди, за такие слова меня б давно убили-и!

Милейший у нас народ, не находите? Вот и я о том же. Обычно меня Прохор от таких типов за уши оттаскивает, но иногда и сам срывается. Лезет чего-то объяснять, доказывать, отстаивать правду-матушку, которая по большому счёту заводит спора и близко не нужна. Им бы лишь прокукарекать, а там пусть хоть не встаёт! Да ещё хвалиться будут: вот, мол, поймал казака, всё ему высказал, а он тока за нагайку хвататься и может, на большее Господь ума не отпустил...

— Ты о чём призадумался, хлопчик?

— О недалёком будущем, — вяло откликнулся я. — Чую, что встреча с этим буйным старичком не была случайной. Она, как бы это повнятнее выразиться, словно некий сколок, срез тех нравов внутри общества, что ожидают всех нас лет эдак через двести с хвостиком...

— Да ты до той поры ли жить собрался? — ухмыльнулся в бороду мой денщик. — Плюнь им в харю, тебя оно парит? Нам там не жить, водку не пить, кашу не кушать, умников не слушать!

— Это ты про Чудасова вспомнил? — улыбнулся я. — Думаю, твои рифмы он больше критиковать не станет; на селе говорят, уже давненько из своего дома не выезжает. Может, больной или на люди показываться стыдится...

— Он на голову больной, потому и на люди показываться стыдится, — чуток поправил меня Прохор, когда мы на лёгких рысях выезжали за околицу.

Погоды стояли дивные: мягкий конец августа с тёплыми, без удручающей жары деньками, высокое солнце,

бездонное небушко, в которое можно смотреть вечно, откинувшись всей спиной на круп коня, и в котором словно отражаются, как в огромном зеркале, синие, зелёные и жёлтые просторы. Степь со всем маково-васильково-ромашковым многоцветьем, изумрудные рощицы, шумные ручьи в бархатной камышовой оправе и разливающийся по весне на далёкие вёрсты щедрый и могучий, сияющий во всей красе Дон-батюшка. Дивная у нас родина, право, нет такой второй, а эту нам сам Всевышний от всего сердца даровал...

Меж тем дорога свернула к перелеску, где прямо на обочине, расстелив белую тряпочку, чинно-мирно трапезничал старый еврей-коробейник в затёртом лапсердаке и широкополой шляпе. Обычно такие вот мелкие торговцы ходят от села к селу, предлагая всякую необходимую мелочь вроде иголок, пуговиц, напёрстков да лент, где-то приворовывая, где-то разнося последние сплетни, но в целом честно зарабатывая свой нелёгкий хлеб. Он же нас первым и поприветствовал, сняв шляпу и обнажая блестящую от пота плешь.

— Добрый день, добрый день! Какие кони, какие люди! Не приведи бы война, как мы любим казаков, это ж надо знать, и таки счастливой вам дороги!

Прохор вежливо козырнул, но не более, а я задумался: что-то неправильное было в этом персонаже малоросских сказок и анекдотов, заставившее меня чуть сжать колени, удерживая жеребца.

— Святой Моисей, что видят мои глаза, — ахнул он от изумления, надевая шляпу набекрень. — Такой вежливый молодой человек, прямо с лошади интересуется, как идут дела у старого еврея?! Ни боже мой, шоб я подумал, что оно вам действительно дико интересно, но таки как же приятен сам факт!

— А я вообще любопытен от природы, вот и думаю себе: да чего ж это чёрту в наших краях понадобилось?

— Не так громко, молодой человек. — Резко побледнев, старик с кривой улыбкой указал на моего оборачивающегося денщика и взмолился: — Шо я вам сделал? Сижу тихо, ем куриное яйцо, чёрствый хлеб и полезную луковицу. Зачем сразу во всё вовлекать посторонних?! Ну таки да, я чёрт. И шо?

— Прохор, всё в порядке! — Я полностью сосредоточился на магическом зрении.

Под личиной старого еврея оказался довольно молодой чёрт моих лет, с чеканным профилем, коровьими рогами и подозрительно честными глазами навывкате. Впрочем, у большинства нечисти лицо всегда доброе, иначе ей себя не прокормить...

— Таки позвольте, я угадаю. — Правильно поняв, что сдавать его прямо сейчас не будут, коробейник вернулся к той же наигранной, псевдоиудейской манере речи. — Вот и шо мне упорно говорит, что вы есть Илья Иловайский? Нет, я могу ошибаться, но в моём возрасте оно простительно; когда вы, не дай бог чтоб скоро, лучше потом, но вдруг доживёте до таких же лет, то скажете: «Ага! Да ведь тот старый поц, гореть ему в аду за чужие грехи, был-таки прав». Значит, вы — он?

— Да. И вы тут не просто так.

— Вы — это он. — Чёрт с уважением прицокнул языком. — Хорунжий, который видит сквозь личины и способен многим испортить хорошую музыку. Угадаю ещё раз: вы едете за реку в табор? И почему я так думаю, что ничего хорошего вам там близко не обломится...

— Ваше благородие, — не выдержал Прохор, — да завязывайте ж вы пустые разговоры. Служба не ждёт!

— Ой, ведь как вы правы! — громко откликнулся чёрт, приветливо помахивая ему ручкой. — Таки я не буду никого задерживать, а потому быстро пойду с вами. Не надо благодарить сейчас, потом, как разбогатеете, что-нибудь у меня купите из того, что залежалось! Одна минута на сборы — и я ваш! Вы не поверите, как быстро умеют ходить старые евреи за казачьими скакунами-и...

Я лишь на минутку задумался, а потом согласно кивнул. Пусть идёт. Он тут неслучайно, он ждал нас, а значит, дело и впрямь непростое. Поговорим по дороге...

— Таки едем в табор за лошадаками, — уверенно начал чёрт, мигом собравшись и бодро засеменяв рядом, но не задавая лишних наводящих вопросов. — Дело простое и ясное, дедукции не требующее: цыгане украли лошадей, казаки поехали и не нашли. Кого тогда отправят искать? Характерника! А кто таки у нас тут характерник? Илья Иловайский, хорунжий, лихо отметившийся в битве с галантными французскими скелетами в Обратном городе. И кому оно было надо?

— Сам не знаю, — честно задумался я. — Мне и самому непонятно, с чего это цыгане в полковой табун полезли? Наши ведь с ними не церемонятся, так поперёк спины нагайками распишут, что хоть в зоопарке тигрой бородатой устраивайся...

— Вы серьёзно насчёт нагаек? — чёрт-еврей зябко передёрнул плечами. — Нет, мне оно на себе проверить не улыбается. Но вы едете в табор, куда вас заманили и где давно ждут. Оно вам надо? Таки вот мне — нет! А почему?

Я выдержал паузу. На самом деле мне-то стало ещё более интересно: если кто-то не очень хороший

Часть первая. КОЛДУН НА ЗАВТРАК.....	3
Часть вторая. СЕРАЯ МЕСТЬ.....	155
Часть третья. КРОВЬ НА КОНФЕРЕНЦИИ.....	265

Литературно-художественное издание

Андрей Белянин

КОЛДУН НА ЗАВТРАК

Ответственный редактор *Валерий Атамашкин*
Выпускающий редактор *Галина Логвинова*

Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Бумага офсетная.
Тираж 4000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 02.2023.
Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, Ульяновская обл.,
г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.